

Марина Григорова

Календула

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марина Григорова
Календула

«Автор»

2026

Григорова М.

Календула / М. Григорова — «Автор», 2026

Катя приезжает в родной город на три дня, чтобы продать квартиру бабушки. Она планирует уладить всё быстро: никаких лишних встреч, никаких возвращений в прошлое. Но каждый поворот, каждый дом невольно напоминают о том, что она оставила здесь пятнадцать лет назад. Не все рады её возвращению, но Митька, как и раньше, готов помочь, даже если это создаст ему проблемы. Из-за задержки с документами сделка откладывается, и Катя впервые за долгое время задумывается: а всё ли она знает о той давней истории? И почему Митька до сих пор готов идти на жертвы ради неё?

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Марина Григорова

Календула

Глава 1

Всё должно было пройти быстро и чётко: приехать, подписать, уехать. Но город начал путать планы, как только Катя вышла из автобуса.

Если верить расписанию, на первую маршрутку она опоздала, а если трезво оценить длинный хвост очереди, то во вторую и даже в третью ей тоже не светит, тем более с чемоданом. Она снова пожалела, что поддалась уговорам Ануш и взяла с собой этого громоздкого монстра.

«А вдруг ты захочешь взять что-то на память? Куда будешь распихивать? По карманам?» — Катя даже оглянулась, так явно прозвучал в голове голос подруги. Судя по размеру чемодана, выбранного по её совету, на память можно было увезти статую пионера с горном, если он всё ещё стоит в сквере за школой. Ведь с ним так много связано в Катиной жизни. Школьные свидания и разборки, первая сигарета, предложенная Любкой, и... да. Любка.

Обветшалый, позеленевший от плесени и чужих тайн, гипсовый мальчик стал свидетелем их клятвы в вечной дружбе. «Дружба до гроба», — сказала тогда Любка, и почти сдержала своё обещание.

Катя вздохнула и, перехватив поудобнее ручку чемодана, покатила его через привокзальную площадь. Прошло больше пятнадцати лет, но она надеялась, что напротив автовокзала, у рынка, стоят бомбилы и ей не придётся волочить это будущее хранилище артефактов три километра по разбитой дороге.

Ещё не было и восьми часов утра, но над асфальтом, не успевшим остыть за ночь, уже поднималось зыбкое марево, обещающая жаркий день. Катя забыла, какая удушающая влажность царит в городе в это время года. И пух. Вездесущий тополиный пух.

Он хищно кружился над Катей, норовил облепить покрывшееся испариной лицо и нагло лез в глаза, нос и даже в уши, напоминая, что он в этом городе хозяин, а Катя — всего лишь проездом. Беглянка, которая вернулась тайком, завершить последние дела.

Она не ошиблась. На пяточке за бюстом Ленина стояло несколько машин с шашечками такси на крышах. Катя направилась было к ним, но вдруг вспомнила, что дома — шаром покати. Она круто развернулась и вошла в ворота рынка.

Прямо у входа стояла женщина с тремя пластиковыми вёдрами красной и жёлтой черешни. Катя с трудом отвела взгляд от любимых фруктов и заставила себя пройти дальше. Кофе, привезённого из Москвы, и черешни ей вполне бы хватило на завтрак, но бесконечные наставления Ануш о правильном питании и балансе БЖУ так прочно въелись в мозг, что нарушить их казалось кощунством.

Минут через сорок она снова стояла у ворот рынка с пакетами, полными полезной и здоровой пищи, и ощущением, что руки вот-вот отвалятся. Немного подумав, она открыла чемодан и, присев на корточки, стала укладывать в него пакеты.

— Я, конечно, всякого повидала, но чтобы такое — так в первый раз, — торговка черешней, подперев щеку рукой, качая головой, следила за Катей.

Катя застегнула круговую молнию и обернулась:

— А вы мне килограмм черешни взвесьте, пожалуйста.

— Килограмм? Ты точно не от мира сего, — теперь уже тётку было не переубедить. — То помидоры в чемодан, то черешни килограмм.

— Два? — неуверенно уточнила Катя, прикидывая в уме, успеет ли она съесть такое количество, прежде чем черешня начнёт портиться.

— Пять. Пять килограммов в ведре. Продаю только вёдрами. А то с такими, как ты, я до конца света её продавать буду. Берёшь? Я ещё скидку сделаю и пакет бесплатно.

Катя ошалело уставилась на торговку. Ведро черешни? Пять килограммов счастья? Предложение было щедрым, почти трогательным.

Сочная черешня манила и соблазняла, красные кругляшки блестели, как полированные. Глаза девочки Кати загорелись огнём предвкушения, а врач Катя молниеносно спрогнозировала последствия и закономерный итог — осмотическая диарея. Но как было устоять?

— Беру! — Она протянула деньги и нашла взглядом зелёный крест рядом с остановкой такси.

В аптеке было прохладно и знакомо пахло дезинфицирующим средством и лекарствами. Кроме кондиционера, монотонно гудящего на стене, в старом помещении ничего не изменилось. Всё та же коричневая плитка с бежевыми квадратиками на полу, выкрашенные в унылый синий цвет стены, арочное окно до потолка и неубиваемый, разросшийся за годы молочай на подоконнике.

«Как кактус, только не кактус», — говорила бабушка, когда принесла отросток от этого гиганта к ним домой. Катя улыбнулась прародителю домашней коллекции суккулентов, и ей показалось, что он повернулся к ней всеми колючками сразу: «Вернулась?»

«Да, ненадолго», — кивнула она, — «Скучали?»

— Я вас слушаю, — голос фармацевта вырвал её из полузабытья.

Катя вздрогнула. Сначала подумала, что девушка за стеклянной перегородкой подслушала их разговор с молочаем, но быстро сообразила: её просто торопят сделать заказ.

— Антигистаминное и... — Катя запнулась, — средство от диареи.

Фармацевт, молодая девушка с затейливо уложенными волосами и огромными нарощенными ресницами, заученно-устало переспросила:

— Что именно?

— Самый сильный сорбент. У меня тут, видите ли, черешня, — Катя чувствовала, что начинает краснеть, — э-э... много черешни.

Губы девушки дрогнули в улыбке:

— Ведро? Да не смущайтесь. У нас все приезжие сначала на рынок бегут, а потом к нам, за сорбентом. Городская традиция, что ли. Сейчас подберём что-нибудь.

Она скрылась в подсобке, а Катя, разглядывая витрину с витаминами, подумала: «Ну вот, я и перешла в категорию приезжих. Если повезёт, так никого из знакомых и не встречу».

— Вот, — Фармацевт поставила на прилавок две коробочки. — Принимать по инструкции, конечно.

— Да, конечно, — Катя нервно улыбнулась. — Спасибо.

— Извините, вы не могли бы расплатиться наличкой? Терминал не работает, — девушка смутилась. — Такое вот у нас... средневековье.

— Ничего страшного, — Катя расплатилась, взяла лекарства и сдачу мелочью.

Несколько монет выскользнули из рук и покатались по полу. Она присела, чтобы их поднять, и сердце тут же ёкнуло. Тогда тоже началось именно так. Невинно, безобидно. Всего лишь рассыпались монетки. А потом всё пошло наперекосяк.

Ладони вспотели, пальцы задрожали и не могли ухватить с пола последний пятак. Если судьба решила сыграть с ней злую шутку, напомнив о прошлом, то сейчас должна открыться дверь и... Звякнул дверной колокольчик.

Катя, едва не сбив с ног вошедшего покупателя, выскочила из аптеки и побежала к такси. Каблуки подворачивались. Чемодан норовил вырваться из рук. Пакет с черешней хлопал по

бедру — она не обращала внимания. Ей казалось, что насмешливый голос кричит в спину: «Эй, рыжая!» Сердце колотилось, как при тахикардии.

Трое водителей на стоянке наблюдали её неуклюжий аллюр и откровенно ржали.

Катя поняла, что смешно выглядит со стороны, и, если честно, причины для такой паники не было, но разделять веселье таксистов не собиралась.

— В цирке, что ли? — задыхаясь от бега, она возмущённо вскинула голову, хотела поставить их на место, но вызвала только новую волну хохота.

— Да, ясен пень, не на ипподроме, — самый молодой из них вытер выступившие от смеха слёзы и открыл багажник. — Куда?

— Третий микрорайон, дом шестнадцать, — Катя отдышалась и передала ему чемодан.

— Да это рядом, вмиг доскачем, — Водитель столкнулся взглядом с Катиными глазами и примирительно поднял вверх руки, — Ну всё, всё. Шутки в сторону.

Как только привокзальная площадь и злополучная аптека скрылись из виду, Катя успокоилась и откинулась на спинку сиденья.

— Злишься? — Таксист покосился на неё в зеркало заднего вида. — Да ладно, не обижайся. Мы ж не со зла, просто... Ну, сначала ты по площади круги нарезала, потом вдруг рванула галопом с чемоданом — ну чисто комедия!

— Но это не повод «тыкать» незнакомому человеку, — Катя улыбнулась, давая понять, что оценила шутку, но голос оставался твёрдым. — Мне комфортнее на «вы».

— Да ты что, Катюха? Не узнала, что ли? — Он аж подпрыгнул на сиденье. — Я вот тебя так сразу. Ты ж Клавдии Васильевны внучка. Терехиной.

— Приехали, — буркнула Катя негромко, но таксист услышал.

— Не, нам ещё два километра. Ну точно забыла. Вспоминай!

Катя послушно взгляделась в его затылок и широкие плечи, обтянутые клетчатой рубашкой, но никаких ассоциаций с прошлым у неё не возникло.

— Да, блин! Валерка я, Савостьянов.

— Савося, что ли? Ничего себе!

После подсказки память услужливо предложила несколько историй, в которых фигурировал Савося: сломанный велосипед, подаренный бабушкой на окончание третьего класса, но так и не опробованный; разбитое в новогоднюю ночь окно и плюющаяся искрами петарда на балконе; разоренная клумба и дворничиха Колыванова, рыдающая над новой метлой, которую она разбила о спину мелкого районного хулигана — продолжать можно было бесконечно.

— Не, ты не думай, я исправился, — Валерка разговаривал с ней всё так же косясь в зеркало заднего вида, ловко объезжая рытвины на дороге. — Мне когда твой хахаль надавал по мусалам, а бабуля твоя потом мозги вправляла, так в голове всё по полочкам и разложилось. Не, не так выразился. От слов бабули твоей, а не от твоего хахалья.

— Он не мой хахаль, — Катя вспомнила ту драку, но тема была ей неприятна. — Валер...

— Как не твой? — Увлечённый воспоминаниями, он её не услышал. — Чернявый такой, хук слева мощный... Или он Любкин ухажёр был?

— Что в городе нового? — резко перебила Катя, и до Валерки, наконец, дошло.

— А, ну да. Вы ж дружили, а оно вон как стремно получилось. Хреново. А в городе что? Всё по-старому, то сё, пятое-десятое. Фабрику, правда, заново открыли. Отремонтировали. Оборудование какое-то заграничное. Замороженные продукты делают. Парк отгрохали — деньжищ уйму вложили. Надолго приехала? Сходи обязательно. Классно там.

— Обязательно, — поддакнула Катя и увидела, что они уже въезжают во двор.

Третий микрорайон в середине девяностых считался престижным. Три восьмиподъездных дома имели разную высоту, от двенадцати до семи этажей, и стояли буквой «П». Такой архитектурный ансамбль был в городе единственным. Создать же идеальный прямоугольник мешала двухэтажная сталинка, которую в народе почему-то прозвали «немецкой». По какой

причине её не снесли — не понятно, но и под нынешнюю реновацию старый дом тоже не попал. Катя знала это точно. Бабушкина квартира, которую она приехала продавать, была именно здесь, на втором этаже.

Катя расплатилась с Валеркой и, подкатив чемодан по гравийной дорожке, уставилась на железную дверь подъезда и кодовый замок. Этот пункт она не учла, когда собиралась незаметно вернуться и быстро сделать свои дела. Нет, она собиралась сообщить Полине и приготовила оплату за месяц вперед, но хотела позвонить соседке, когда все уже будет позади. Она вздохнула и полезла в сумочку за телефоном.

— Катька, ты что ли?

Катя чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда почти над ухом раздался голос Полины. Она обернулась и увидела лицо соседки в проеме форточки, затянутой марлей вместо москитной сетки.

— А я смотрю, такси подъехало, — заулыбалась Полина. — Думаю, к нам или не к нам? Потом смотрю — ты! Думаю, ты или не ты? Может, показалось?

— Я это, Полин, я. — Катя заулыбалась в ответ. — Вот. В подъезд попасть не могу.

— Я мигом, — пообещала соседка и скрылась где-то в глубине квартиры.

Катя присела на скамейку у подъезда и посмотрела в сторону высоток.

К ней подошла девчонка. Не высокого роста, крепко сбитая, светло-русые волосы собраны в высокий «конский» хвост яркой резинкой. Одеята она была почти так же, как Катя, в джинсы и футболку, только на ногах — умопомрачительные кроссовки с роликками на пятках. Катя таких и не видела никогда. Девочка заметила ее интерес:

— Это мне папа из Польши привез. Хочешь попробовать? — и, не дожидаясь ответа, уселась на скамейку и принялась расшнуровывать обувь.

Кате до смерти хотелось примерить, но она лишь презрительно фыркнула:

— А может, и не хочу!

— Да ладно врать! Все хотят.

Девочка протянула ей кроссовки:

— Тебя как зовут?

— Катя.

— А меня Любка. Давай дружить.

Пиликанье домофона развеяло чары. Катя не сразу узнала Полину. Она расплелась, «обабилась» как-то, и совсем не была похожа на ту нервную, дерганую мать-одиночку, которую Катя попросила смотреть за бабушкиной квартирой.

— Продавать надумала? — с ходу поинтересовалась Полина. — Ну и правильно. Я вот тоже скоро переезжаю, нашла себе, так сказать, надежду и опору. Думаю, надолго или нет? А попробовать хочется. Мужик в доме — он и на старости лет мужик.

Катя выслушивала этот монолог молча. Полина и не ждала ответа. Но когда дверь квартиры, наконец открылась, Катя мягко улыбнулась и обняла Полину:

— Давай чуть попозже я тебя выслушаю, а? Устала, сил нет.

— Да это я дура, заболтала тебя. Заходи, располагайся. Все как при Клавдии Васильевне было. Ты забегай. У меня и коньячок найдется, под это дело. Ну все, давай.

Катя с облегчением закрыла дверь. Интересно, через сколько минут все узнают, что она вернулась?

Полина сказала правду. В большой трёхкомнатной квартире всё было так, как при бабушке. В прихожей встречало трёхстворчатое трюмо с немного сколотым зеркалом. Деревянные полы, покрашенные тёмно-красной краской, блестели и привычно поскрипывали под ногами. Тяжёлые портьеры с подхватами обрамляли дверной проём в зал, а коридор, все так же поворачивая направо, уводил к кухне и бабушкиной комнате.

Всё так да не так.

Не пахло ни кулебякой с капустой, ни пирожками с яблоками. Никто не крикнул ей из кухни — быстро мой руки и за стол! И на вешалке не было всесезонного прорезиненного макинтоша и гордости бабушкиного гардероба — берета, привезённого «аж из самой Франции».

Когда Катя получила сообщение риелтора, что нашлись покупатели на квартиру, она даже расплакалась.

— *Все-таки ты с придурью, подруга, — грубо утешала ее Ануш. — Ты собираешься возвращаться? Нет. Тебя там кто-то ждёт? Нет. Так чего развела здесь сопли-слезы?*

— *Там детство моё прошло, — ныла Катя, сморкаясь в салфетку.*

— *Какое такое детство-иметсво? — Ануш включила свой армянский колорит и театрально всплеснула руками. — Моё вот в горах прошло. В селе. Зимой вода замерзает, летом высыхает. Когда папа, дай бог ему здоровья, нас в Москву привёз, мы, думаешь, рыдали: ай, где наши ясли? Нет. Мы руки ему целовали, говорили: спасибо тебе, папа, дорогой.*

Ануш глотнула коньяк из бокала и закинула в рот два кусочка бастурмы. В такие дни, как сегодня, она с удовольствием отступала от своих же правил.

— *Я тебя не понимаю, — продолжала она с набитым ртом. — Что тебя туда тянет? У тебя здесь работа, квартира своя.*

— *Ага, студия двадцать пять квадратов и полное выгорание, — возразила Катя.*

— *Вот! А если бы вышла замуж за нашего Арамчика, уже бы и свою клинику открыла. Мама просит, папа просит, я прошу, Арам... Тот вообще ночей не спит, а ты ни в какую.*

— *Сама-то чего клинику не открыла? — Катя выпила свою порцию и потянулась к тарелке с закусками.*

— *Ты же знаешь, я этот... как вы по-русски говорите? Энтузиаст, вот. Анестезиолог от Бога.*

Девушки рассмеялись и чокнулись бокалами. Ануш продолжила перечислять:

— *И диссертация сама себя не напишет, а у Арама в клинике какой материал? В жопу силикона залей, сиськи переделай, губы накачай. Тоска. Ты бастурму, кстати, где брала?*

— *У Самвела, где же ещё?*

— *Узнаю, узнаю этот ни с чем не сравнимый вкус. С собой тоже возьми. Угости знакомых. Дядя Самвел плохого не делает. Потом весь твой город к нему ездить будет, как распробуют.*

— *Пятьсот километров туда, пятьсот обратно, — Катя вспоминала их разговор, пока распаковывала чемодан. Это помогло ей не раскиснуть и сосредоточиться на главном.*

До созвона с риелтором оставалось еще несколько часов, и Катя решила сходить в универ-маг купить тюль. Хотелось распахнуть балкон, но через час квартира будет напоминать склад тополиного пуха. Искать в шкафу у бабушки Катя не захотела. Пусть потом новые жильцы сами решат, что выбросить, что оставить, у нее рука не поднималась сортировать знакомые вещи.

Она переделалась в легкий сарафан, обула босоножки и подошла к зеркалу привести в порядок волосы перед выходом. Трюмо будто ожило, когда на нем расположились привычные для этого места вещи — расческа, флакон туалетной воды, тюбик губной помады. Катя любовно погладила старый скол. Это они с Любкой бесились и нечаянно отбили краешек. Бабушка не была суеверной, зеркало оставила. А новые жильцы вынесут старину на помойку.

Хватит, одернула сама себя Катя. Надо думать о квартире как о гостинице. Ей здесь больше ничего не принадлежит. Шесть дней, пять ночей. Без «все включено», но продержаться можно.

Скамейку на детской площадке оккупировала стайка пенсионерок: судя по сумкам у их ног, они посетили тот же рынок, что и Катя. Они дружно повернули головы при ее приближении и Кате показалось, что уместнее будет поздороваться, чем с гордым видом пройти мимо. Все равно ведь обсудят.

— Здравствуйте. Не подскажите во сколько открывается универмаг на Воробьёвского?

— Здравсьте приехали! Универмаг ещё при царе Горохе закрыли, а на Воробьёвского сейчас торговый центр, — женщины посмотрели на Катю, как на инопланетянку.

— А ты чьих же будешь? Что-то мы тебя раньше здесь не видели, — включила бдительность одна из старушек и тут же ахнула. — Уж не докторши ли Терехиной внучка? Все семейство рыжее было.

— Спасибо за информацию, — Катя не собиралась ни подтверждать, ни опровергать их предположения. Она быстро пошла прочь, но все равно успела услышать:

— Так у Терехиной внучка, того. Померла.

— То другая померла.

— Да никто там не помер, дуры вы альцгеймерные! Я сейчас расскажу, как было. Мне Зинка рассказывала, а она от Зойки слышала, а та...

Господи, думала Катя, унося ноги, неужели у них здесь за пятнадцать лет ничего значимого не произошло, что все еще ту историю помнят.

Ты тоже помнишь, включился внутренний голос. Я — другое дело, огрызнулась Катя.

Она начала злиться, хотя знала с самого начала, что возвращение в город всколыхнёт со дня памяти всю муть. Ей было восемнадцать, она испугалась и сбежала, но теперь ей почти тридцать четыре и события тех лет видятся в другом ракурсе.

Последние слова, услышанные от подруги, долго отравляли ей жизнь. Она до сих пор чувствует вину, но и обида тоже не отпускает. Как закрыть этот гештальт?

Катя сама не заметила, как оказалась в конце улицы, у старого каштана. Напротив, через дорогу, раньше было кафе-стекляшка с караоке, в котором собиралась тогдашняя элитная молодежь. У Кати не было столько денег, чтобы кутить каждый день, а вот Любка была местной звездой. Сейчас здесь какой-то большой ресторан, вывеску не видно, и рольставни на летней веранде опущены. Рано еще, наверно.

Рядом с каштаном, помнится, росла сирень, целые заросли, а теперь от нее осталось лишь несколько кустиков. А вот клумбы с календулой не было точно.

Хотя, нет, календула все же была.

Она пряталась в кустах сирени и, замирая от волнения и злости, следила за чужим счастьем. Её саму не было видно в темноте, зато посетители кафе за освещенной витриной — как на ладони.

Календулой ее называла бабушка, ласково дразня за оранжево-рыжие волосы и желание вылечить весь мир от всех болезней.

Сколько себя помнила, она всегда хотела стать врачом. Семейная традиция. И, однажды решив, она настойчиво шла к своей цели. Тогда она думала, что стоит только захотеть, и все желания исполнятся.

— Да, Катюша, все оказалось несколько иначе, — сказала она сама себе и погладила шершавый ствол каштана. — Как сказала бы Ануш: жизнь нас к такому не готовила.

И тут она увидела его. Конечно, он изменился, но обознаться она не могла. Его фигура, походка и такой знакомый взмах руки. Митька. Остановился у ресторана и машет ей. Тоже узнал.

Катя резко развернулась на каблуках и пошла в противоположную сторону. Ей надо купить тюль, и все Митьки мира ее не остановят.

Вот есть же такая примета: как утро не задастся, так и весь день насмарку. Или она сама ее только что придумала? Что такое «не везет», объяснять не надо, а вот как с этим бороться Катя не знала.

Пока она ходила по торговому центру, позвонил риелтор и сообщил, что сделка временно откладывается. То ли собака у покупателей заболела, то ли они сами уехали на море и там заболели, то ли риелтор летел куда-то в турбине самолета — в телефоне были такие помехи

и гул, что Катя почти ничего не поняла. Кроме одного. Придется остаться дольше, чем ей бы хотелось.

Вернувшись домой, она пообедала, позвонила Ануш, отчиталась о количестве съеденных калорий и пожаловалась, что ее, наверное, кто-то сглазил. Потом приняла холодный душ, потому что не смогла включить газовую колонку, и решила, что пусть все горит огнем, а она ляжет спать. Открыла нараспашку балкон, хотя тюль так и остался лежать в пакете, и провалилась в сон, как только голова коснулась подушки.

Проснулась поздно, когда за окном начали сгущаться первые сумерки. В отличие от Москвы, в их городе темнело рано. В девять вечера еще были видны красные полосы заходящего солнца, а в половине десятого, словно по кнопке, включалась ночь.

Катя передела промокшую от пота футболку и сняла с губы прилипшую тополиную пушинку. Бытовые вопросы с горячей водой и тюлем настойчиво требовали решения.

— Полина, — она позвонила соседке, — твой мужчина может прибить гвоздями тюль к двери и починить колонку? Только вот прям срочно.

— Ой, что ж ты раньше не сказала? Мы к его матери едем. Уже километров восемь отъехали. Вот если бы раньше. Но ты не дрейфь. Я к тебе сейчас Сашку пошлю. Сашку, сына моего, помнишь? Он тебе вмиг все наладит. Жди! — протарахтела скороговоркой Полина, и в трубке раздались гудки.

Сашку Катя помнила. Серьезный такой, вежливый мальчик. Всегда здоровался, когда в школу шел. Но как ребенок справится с тем, с чем она, взрослая тётенька, не совладала, Катя представляла плохо. Наверное, жизнь без отца многому паренька научила.

В дверь позвонили. Катя открыла.

Запрокинув голову, она рассматривала случайно забредшего в их дом бородатого баскетболиста, пытаясь сообразить, что ему здесь понадобилось.

— Меня мамка прислала. Давайте по-быстрому все починим, а то меня ребята ждут.

— Ты Саша? — удивилась она.

Вежливый Саша аккуратно снял кроссовки в прихожей и первым делом направился в кухню. Руки у него действительно оказались золотыми. Что-то подкрутил, где-то затянул, и вскоре внутри колонки заплясал голубой огонек.

— Несите тюль, — приказал как генерал новобранцу. — Молоток есть? Тоже несите.

Он уже заканчивал работу, когда с улицы кто-то истошно заорал:

— Каатя! Каатя!

Катя с Сашей переглянулись. Она недоуменно пожала плечами и вышла на балкон.

Ну кто бы сомневался?!

— Кать, ты выйдешь? — Митька стоял под фонарем и лыбился, как дурак на ярмарке.

— Нет! Поздно уже!

— Кать, а Кать? — не унимался Митька.

— Ну чего тебе еще?

— Кать, водички вынеси.

— Может, мячик еще скинуть поиграть?

Саша тоже перегнулся через перила:

— Дмитрий Сергеевич, это вы?

— Ты его знаешь? — Катя проворно затолкала Сашку обратно в комнату.

— Конечно, его весь город знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.